

УДК 341.48:(343.9:343.301)

Н. А. Зелинская

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ:
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ**

В эпоху глобализации политическая преступность превратилась в серьезнейшую и постоянно действующую угрозу международной и национальной безопасности и стабильности. Как справедливо подчеркивается в Докладе о мировом развитии за 2011 г., различные формы насилия связаны между собой: «Четверть населения нашей планеты – более 1,5 миллиарда человек – живут в нестабильных и затронутых конфликтами государствах или в странах с очень высоким уровнем преступности и уголовного насилия. Многие существующие сегодня конфликты и проявления насилия невозможно однозначно отнести к категориям войны и мира, либо уголовного и политического насилия» [1, с. 2].

Создание эффективного международно-правового механизма противодействия политической преступности является одной из наиболее актуальных и сложных задач, стоящих перед современным международным правом.

Несмотря на очевидную опасность, более того, катастрофогенность политической преступности, вопрос о международном сотрудничестве в ее сдерживании, ассоциируясь с политическими преследованиями, приобретает двусмысленную интерпретацию. Необходимость солидарного уголовного преследования политических преступников сегодня достаточно очевидна. Однако каковы границы этой солидарности, обеспечивающие то, что государства не станут пособниками политических репрессий?

Политические преступления и политические репрессии занимают важное место в истории человечества, наполненной множеством печальных примеров индивидуального и массового уничтожения политических противников. Традиционно преступление рассматривают как деяние, нарушающее нормы уголовного права (статутного или прецедентного) и объявляемое государством преступным [2, с. 17–18]. Считается, что для определения преступления необходимо сочетание двух абстрактных критериев: законодательного описания этого деяния в качестве общественно-вредного и указания в законе на его наказуемость [3, с. 68].

Творя закон, власть «создает» преступления; отправляя правосудие, власть «создает» преступников. Однако закон может быть несправедлив: является ли преступным нарушение такого закона? У пророка Исаии сказано: «Горе тем, которые постановляют несправедливые законы и пишут жестокие решения, чтобы устранить бедных от правосудия и похитить права у малосильных из народа Моего...» [5, с. 39–44].

«Как мало значат человеческие законы!» – восклицал Тертуллиан. Он, обращаясь к высшим должностным лицам Римской империи с призывом выслушать его свидетельство в защиту христиан, говорил: «Прежде всего, буду судиться о законах с вами, охранителями законов. Вы говорите «не дозволено», потому что хотите этого, а вовсе не потому, что должно не дозволять. Если же вы не хотите дозволять ничего недолжного потому, что оно худо, то тем самым естественно предположить,

что позволяется доброе. Если я найду, что твой закон запретил хорошее, разве в силу этого предположения он может мне запретить его? Плохое он запретит по праву. Если твой закон ошибся, то ведь он придуман человеком, не свалился же с неба» [6, с. 199]. И далее: «Какие же это законы, которые обращали против нас люди нечестивые и несправедливые, развращенные или безумные?» [7, с. 177].

Ф. Аквинский писал об особом виде преступности – преступлении власти. Воздействие на эту преступность на основе законов, главным гарантом которых являются власть имущие, затруднительно. Остаются лишь крайние меры: если монарх, носитель всей полноты власти, нарушает свои священные обязанности перед Богом и народом, то его можно устранить насильственно. У людей нет другого выбора, ведь монарх стоит над законами и им не подчиняется [8, с. 178]. Блаженный Августин считал, что одни и те же нормы права и справедливости должны применяться к поведению как отдельных лиц, так и государств. Государство, уклоняющееся от их применения, – не что иное, как «большая шайка разбойников» [9, с. 18].

Г.В.Ф. Гегель утверждал: «Возможна коллизия между тем, что есть, и тем, что должно быть, между существующим в себе и для себя правом, остающимся неизменным, и произвольным определением того, что есть право» [11, с. 90]. Введенная Г.В.Ф. Гегелем в философско-теоретический оборот категория неправа обозначает особую волю, демонстрирующую произвол и свою отдельность от всеобщей воли и всеобщего права [11, с. 57].

Известный историк, исследователь политических процессов Е.Б. Черняк замечает: «В истории встречались все мыслимые совпадения и несовпадения формального обвинения, действительного обвинения и политических целей. Оружие политического процесса использовалось для борьбы против передовой общественной мысли, против научных доктрин, для внедрения единомыслия, для разжигания расовой вражды, националистического психоза, для оправдания агрессии, удушения свободы за рубежом и других подобных целей» [13, с. 7–8].

Одним из наиболее сурово наказываемых политических преступлений были династические посягательства против власти. И.Я. Фойницкий в 1889 году писал: «При династическом характере этих преступлений они концентрировались около известной личности» [14, с. 144]. В династических и религиозных конфликтах, сопровождавшихся жесточайшими формами насилия, преступниками назывались представители побежденной стороны, и победители требовали выдачи побежденных, укрывшихся в других государствах.

Государственные перевороты были обыденным явлением политической жизни. В свое время Аристотель утверждал: «Государственный переворот имеет целью усилить или ослабить государственный строй <...>. Производятся государственные перевороты путем либо насилия, либо обмана» [15, с. 527–536]. Особый характер носят преступления, которые группируются не «около личности», а «около идеи». В.А. Бачинин отмечает: «Идеологемы чаще носят утверждающий, авторитарный характер, стремясь подчинить сознание индивидов политической воле государства <...>. В государствах с авторитарным режимом идеологемы нацелены на всеобъемлемость своего влияния, на тотальную всеохватность умов и насильственное погашение всего особенного и нестандартного» [17, с. 113–144].

С давних времен существовали два вида «политических» преступлений: преступления против Бога и преступления против государства. Э. Дюркгейм утверждал, что «в низших обществах наиболее многочисленные проступки – те, которые оскорбляют нечто общественное; это проступки против религии нравов, авторитета <...>. У древних германцев, по словам Тацита, только два преступления наказывались смертью: измена и дезертирство» [16, с. 144]. Наступивший на тень фараона в Древнем Египте считался самым опасным преступником [18, с. 93].

Религиозные преступления – древнейшие идеологические правонарушения. Применение терминов «политические» и «общеуголовные» в их современной трактовке относительно этих преступлений носит весьма условный характер. Необходимо учитывать, что в религиозных правовых системах преступление и грех представляют собой одно и то же. Заповеди «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй» можно рассматривать в качестве религиозных и правовых запретов одновременно. Г.Дж. Берман пишет: «Убийство, разбой и другие тяжкие нарушения прав человека считались в то же время нарушением права Бога; и наоборот, половые и брачные проступки, ведовство и колдовство, святотатство и другие тяжкие нарушения прав Бога считались в то же время нарушениями права человека» [19, с. 6]. Согласно теории мусульманского права государство в лице правителя-монарха или парламента не может творить право, быть законодателем. Теоретически только Бог имеет законодательную власть [20, с. 183–194]. Нарушение закона, таким образом, является преступлением против Бога, в силу чего имеет идеологический подтекст.

В средневековой Европе репрессивное право формировала не только государственная, но и церковная власть, вследствие чего сложилось деление права на гражданское (светское) и церковное (каноническое) [21, с. 199–200]. В соответствии с каноническим правом эпохи средневековья самое тяжкое идеологическое преступление – ересь (вероотступничество) – наказывалось смертной казнью [22, с. 92]. Известный российский юрист, профессор Л.А. Камаровский в связи с этим отмечал: «После упорной и многовековой борьбы со светской властью папы в период своего могущества (от Григория VII до Бонифация VIII) считали себя верховными Владыками Европы. Некоторое время можно было думать о торжестве всемирной теократии. Согласно теории юрисдикция пап должна была простираться на церковные дела и вопросы совести, но в силу теократического мировоззрения средневековых людей все мирское было подчинено духовному, и в каждом деле прямо или косвенно была замешана церковь» [23, с. 17].

Средневековая уголовная юстиция была очень жестокой [24, с. 114–115]. Распространение инквизиции и преследование религиозных преступлений привело к расширению уголовной репрессии. На основе положения, что все преступления, связанные с грехом, принадлежат суду церкви, к церковной юрисдикции относились религиозные преступления (ересь, колдовство, святотатство), а также нарушение супружеской верности, кровосмешение, двоеженство, лжесвидетельство, клевета и даже подделка документов, ложная присяга, ростовщичество и тому подобное.

Трибуналы инквизиции, то есть особые суды для рассмотрения дел, относящихся к церковной юрисдикции, были введены католической церковью в XIII веке.

Инквизиция оказала большое влияние на развитие политического судебного процесса в странах Европы (кроме Англии). Символом средневековья стали необычайная суровость наказаний, а также господство церковных взглядов на сущность преступности и методы борьбы с этим явлением. Один из самых жестоких инквизиторов был Конрад Марбургский, который считал, что лучше убить 60 невиновных, чем дать уйти от ответственности одному виновному [25, с. 156]. К наиболее гуманным (бескровным) видам наказания инквизиторы относили сжигание на костре – земной прообраз чистилища. В Испании первый трибунал инквизиции был создан в 1480 г. По подсчетам специалистов, число жертв испанской инквизиции за всю ее многовековую историю составило 300 тыс. человек, из которых 30 тыс. были преданы огню [26, с. 157–158]. В Англии, где инквизиции не было, преследования за ересь также были очень жестокими. По некоторым данным, общее число казненных (по всем видам преступлений) при Генрихе VIII составило 72 тыс. человек, при его дочери Елизавете (XVI век) – 89 тыс. [27, с. 18]. Преследование за мнимые идеологические преступления повлекло за собой тысячи жертв, стало тягчайшим в истории человечества реальным преступлением.

Знаковыми событиями XV века стали суды над Яном Гусом, сожженным по приговору церковного трибунала в 1415 г, и Джироламо Савонаролой, казненным по приговору инквизиционного суда во Флоренции в 1498 г. Однако самый знаменитый судебный процесс этого века проходил в инквизиционном трибунале во французском городе Руане в начале 1431 г. Судили народную героиню Франции – Жанну д'Арк. Этот процесс имел явно выраженный политический и международный характер.

В ноябре 1430 г. Жанна д'Арк попала в плен к англичанам. Руанский епископ Кошон потребовал выдать ему Жанну д'Арк для суда как еретичку, захваченную на территории его епископства. В декабре 1430 г. Жанна д'Арк была помещена в подземелье одного из руанских замков, а 9 января 1431 г. предстала перед инквизиционным трибуналом. Процесс и осуждение Жанны д'Арк должны были доказать, что французский король Карл VII был возведен на престол ведьмой, действовавшей по наущению сатаны. Орлеанская дева обвинялась в притязании на беседы со святыми и ангелами, фальшивых пророчествах, еретических утверждениях, ношении мужской одежды и так далее, вплоть до неповиновения воле родителей. Как преступница, Жанна д'Арк была осуждена и 30 мая 1431 г. сожжена на костре. В 1455–1456 гг. в Париже и Руане состоялся новый суд, отменивший предыдущий приговор и оправдавший Жанну д'Арк. Прежний вердикт был объявлен следствием коррупции, подлогов, клеветы, коварства и нелояльности. Через века, в 1920 г., католическая церковь причислила Жанну д'Арк к лику святых [28, с. 196]. Этот уникальный исторический пример служит яркой и трагической иллюстрацией относительности представления о преступности поведения идеологических противников власти.

Нужно заметить, что «политические» преступления принимали самые разнообразные формы. В средневековой Европе преступлением считалось всякое проявление «неверности» по отношению к королю, сеньору, цеху, гильдии. Анатомирование трупов рассматривалось как преступление, за которое до XVI века была

установлена смертная казнь. Весьма неопределенным было понятие «государственной измены» в английском праве. Так, по акту о престолонаследии 1534 г. государственной изменой считалось всякое «предубеждение, клеветание, попытки нарушить брак Генриха VIII с Анной Болейн». Вскоре изменой стало сожаление по поводу казни Анны Болейн [29, с. 16–19].

В период ожесточенных столкновений папского Рима с королевскими династиями Европы сформировалась традиция тираноборчества, которая была ориентирована на пример тираноборцев античности (Гармония и Аристокатона, Брута и Кассия). К XVI веку идея монархомахии, утверждавшая, что казнящий тирана – нарушителя законов божественных, человеческих и естественных – не убийца, а защитник справедливости, получила широкое распространение. Ею мотивировались «казни» Вильгельма Оранского (1584 г.), Генриха III (1589 г.) и Генриха IV (1610 г.) [30, с. 122].

Политические процессы стали орудием террора Великой Французской революции. 9 марта 1793 г. по решению Конвента был казнен король Франции Людовик XVI. По приговору Революционного трибунала 16 октября 1793 г. была казнена королева Мария-Антуанетта, обвиненная в преступлениях против французского народа. Тысячами невинных жертв террора, принесенных на «алтарь революции», ознаменовалось начало нового этапа в истории политической преступности – эпохи террора и терроризма.

Термин «терроризм» проник в юридическую лексику из политической сравнительно недавно. Первоначально понятие «террор» связывалось с государственной политикой якобинцев. Якобинцы устрашали социум ради удержания власти, а их последователи – террористы-революционеры – устрашали правительство и общество в целях оказания влияния на власть и для ее захвата.

Многие исследователи отмечают, что существует тесная связь между оппозиционным терроризмом и террором со стороны государства. По мнению Л. Диспо, различие состоит только в том, что «в первом случае это терроризм, рвущийся к власти, во втором – достигший ее. По масштабам, средствам, возможностям и ряду других параметров государственный и нелегальный терроризм – разные вещи. Но логика экстремизма, тип людей, осуществляющих террор, их мотивы, взгляды, методы очень близки. Следовательно, террористы, пришедшие к власти, будут делать то же, что и террористы государственные» [31, с. 81–93].

Под влиянием либеральных идей в европейском общественном сознании сложился романтический образ политического преступника, который был освящен ореолом героизма и мученичества. Терроризм при нарушении главного морального запрета («не убий») претендовал на самую высокую степень моральности. Понятие «террористическая деятельность», применяемое для обозначения систематических убийств, маскировало их преступную сущность. В известной степени это понятие было навязано самими преступниками, не желавшими отождествлять себя с убийцами.

Значительная часть общества восприняла терминологию и этику террористов. «Террор – одна из магистральных идей европейской и, в частности, русской культуры», – отмечают М.П. Одесский и Д.М. Фельдман [32, с. 31]. В результате создалась

парадоксальная и трагическая ситуация: убийство – деяние, являющееся естественным, «абсолютным» преступлением, получило моральное оправдание, более того, общественную поддержку. Сложился парадоксальный феномен «высоконравственной преступности». Герой или жертва – вот две роли, которые приемлет совершающий преступление «за идею». «Идея» так трансформирует восприятие поступка, что даже убийство ребенка не оценивается как преступное. Жертву клеймили именем злодея, убийцу называли героем и мучеником. «Идея» оправдывала убийц, придавая особый смысл преступлению, преобразовывала преступника в героя. Террористы манипулируют обширным словарем самооправдания; тягчайшие злодеяния объясняются трагической потребностью и благородными мотивами. Нет такого злодеяния, которое не пытались бы объяснить с использованием слов «народ» и «свобода».

В середине XIX века сформировались «партии нового типа», открыто провозгласившие террор в качестве метода политической борьбы. С этого времени терроризмом стали называть тактику, применяемую оппозиционными группировками для борьбы против правящего режима [33, с. 81–93]. В Программе Исполнительного комитета террористической организации «Народная воля», сыгравшей значительную роль в истории Российской империи, прямо указывалось на то, что в задачи партии входит «деятельность разрушительная и террористическая». Знаменательно, что под террористической деятельностью авторы этого документа понимали не только «уничтожение наиболее вредных лиц правительства», «наказание наиболее выдающихся случаев насилия и произвола со стороны правительства, администрации и тому подобного», но и «защиту партии от шпионства» (тайные убийства предполагаемых «шпионов») [34, с. 5–8]. Убийства «соратников», таким образом, были внесены в программу партии. В среде народников старые социал-демократы называли членов террористической фракции «революционерами-убийцами» и требовали прекратить их деятельность.

Терроризм изначально содержал в себе и общеуголовный, и политический компоненты. С.Г. Нечаев, образовавший в августе 1868 г. в Москве террористическое общество «Народная Расправа», был одной из наиболее одиозных фигур русского терроризма. В составленном им «Катехизисе революционера» люди цинично делились на категории: «неотлагаемо осужденных на смерть» и «людей, которым даруют временно жизнь, чтобы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта» [35]. И.А. Ильин замечал: «Бакунин с Нечаевым образовали крайнюю левую этого движения, которая, подобно Петру Верховенскому («Бесы»), искала братания с уголовным миром» [36, с. 145–173].

Террористам необходима была идеологическая поддержка, и они ее получали. Так, в сентябре 1881 г. журнале «Набат» была опубликована статья П.Н. Ткачева «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России», в которой П.Н. Ткачев рассматривает терроризм как морально оправданное средство политической борьбы [37, с. 70–77].

Современники писали: «Ободренные успехом первых террористических актов, приверженцы анархизма с этого времени стали смотреть на принцип «террора» как на наиболее эффективный способ действий. Они занялись созданием «теорий» и «систем», желая убедить общество в законности своих преступлений. Наступило

время революционировать страну с кинжалом, револьвером и динамитом в руках. Для проповедников динамита всякий представить власти был Пероном, всякий полицейский офицер – сыщиком, всякий суд – инквизиционным трибуналом» [38, с. 145].

На судебном процессе, проходившем в Киеве 1–9 ноября 1884 г., подсудимый Шебалин, принадлежавший к партии «Народная воля», в своем последнем слове заявил: «Нужно взять во внимание, что совершение преступления вызывается глубоким убеждением в его необходимости, что террорист, таким образом, является человеком идеи, действует во имя идеи, которой он приносит в жертву все, чем может жертвовать человек: свою судьбу, даже жизнь» [39, с. 19–20].

Террористы XIX века не только не отказывались от своего «звания», но и гордились им. Действительно, слово «террорист» звучит предпочтительнее слова «убийца», «партия террористов» – предпочтительнее «партии убийц». Н.А. Бердяев писал: «В России образовался особенный культ революционной святости. Культ этот имеет своих святых, свое священное предание, свои догматы. И долгое время всякое сомнение в этом священном предании, всякая критика этих догматов, всякое непочтительное отношение к этим святым вело к отлучению не только со стороны революционного общественного мнения, но и со стороны радикального и либерального общественного мнения. Ф.М. Достоевский пал жертвой этого отлучения, ибо он первый вскрыл ложь и подмену в революционной святости. Он понял, что революционный морализм имеет обратной своей стороной революционный аморализм, и что сходство революционной святости с христианской есть обманчивое сходство антихриста с Христом» [40]. Вспомним гениальные слова Ивана Карамазова: «Представь – что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище, вот того самого ребеночка, бывшего себя кулачком в грудь, и на слезках его основать это здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей <...>, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях? <...> И можешь ли ты допустить идею, что люди, для которых ты строишь, согласились бы сами принять свое счастье на неоправданной крови маленького замученного, а приняв, остаться навеки счастливыми?» [41, с. 123–140].

Противоположный ответ на вопрос о допустимости насилия, оправдываемого политическими целями, был дан героями романа «Бесы». Петр Верховенский задал один (причем важнейший) вопрос участникам тайного собрания: «Если бы каждый из нас знал о замышленном политическом убийстве, то пошел ли бы он донести, предвидя все последствия <...>?» «Никто не донесет, разумеется, не донесет», – был дан ответ. «Ну, а если бы вы знали, что кто-нибудь хочет убить и ограбить другого, обыкновенного смертного, ведь вы бы донесли, предупредили?» – продолжал Петр Верховенский. «Конечно-с, – ответили ему, – но ведь это гражданский случай, случай, а тут донос политический» [42, с. 276].

В этом ответе сосредоточена суть самого трагического общественного заблуждения XIX века, имеющего самую непосредственную связь с кровопролитиями XX века. Ю.Н. Давыдов пишет: «Так возникает интеллектуальный террор, в атмосфере которого «как-то совестно» возражать сперва против индивидуального

террора, а следовательно (нужна ведь логика!), и против вооруженного насилия, этой повивальной бабки истории, которое та же история расшифровывает как массовый террор...» [43, с. 383, 386].

Обесцениванию человеческой жизни способствовал факт совпадения массового террора «снизу» с террором «сверху» [44, с. 101]. Известный исследователь терроризма О.В. Будницкий подчеркивал: «Полагаю, что государственный террор, унесший с 1917 г. миллионы жизней, имеет генетическую связь с террором дореволюционным. История, как известно, имеет свойство повторяться. В случае с терроризмом она повторяется чаще как трагедия, а не как фарс» [45, с. 47].

Политическое преступление является преступлением, направленным против государственной власти, – такое представление об этом феномене сложилось в XIX веке. Однако уже тогда началось формирование более широкого представления о преступлении в его философском и политическом ракурсе – преступлении, происходящем от государственной власти.

Достаточно вспомнить, что идеологи анархизма П.А. Кропоткин и М.А. Бакунин считали, что государство возникло как преступная организация, позволяющая сильным творить насилие над слабыми. За свою многовековую историю государство научилось эффективно подавлять любые восстания против своего авторитета. Нигилистическое отношение М.А. Бакунина к государству и праву исходило из убежденности в том, что всякая власть держится на преступлениях, посредством которых создавались, укреплялись и продолжают сохраняться все государства. С того момента, когда преступление становится орудием государственной власти, оно превращается в «добродетель». Этот универсальный принцип политической борьбы, открытый Н. Макиавелли, относится ко всем прошлым, настоящим и будущим государствам. Согласно такому подходу нормы государственной морали противоречат нормам общечеловеческой нравственности и естественного права [46, с. 20].

При том, что оппозиционные политические преступления и преступления власти находятся на разных полюсах политической преступности, граница между ними бывает трудно различимой. Победители всегда подвергали репрессиям побежденных. Наиболее жестокие репрессии устанавливали правители, пришедшие к власти нелегитимным путем. «Бывшие» политические преступники, вместе с властью получив возможность называть политическими преступниками своих побежденных врагов, устраивали политические процессы, обвиняя в политических преступлениях своих оппонентов. Таким образом, они создавали тысячи мнимых «политических преступников». Приводя к власти нелегитимные правительства, революции устанавливали самые жестокие диктатуры.

Нередко бывает трудно определить момент, с которого терроризм антигосударственный – преступление рвущихся к власти – перерастает в террор государства – преступление пришедших к власти. Политические процессы зачастую являются фактически политическими преступлениями, в то время как политические преступники – террористы – облачают свои действия в форму «приговора», присваивая себе право на репрессию.

Так ли велика разница между преступниками, «казнившими» императора Александра II «по приговору» Исполнительного комитета «Народной воли», и пре-

ступниками, расстрелявшими императора Николая II и его семью по постановлению Уралисполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов? И те, и другие называли императоров «палачами», и те, и другие ссылались на «волю народа» [47, с. 342–343].

И.Я. Фойницкий заметил: «Сама оценка преступности или непроступности деяний политических подлежит наиболее сильным колебаниям; с изменением правительства <...> преступления, считавшиеся наиболее тяжкими, низводятся до степени незначительных поступков или деяний безразличных». В постановлении Уралисполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов говорилось: «Принимая во внимание, что коронованный палач, скрывшись, может избежать суда народа, Исполнительный комитет, исполняя волю народа, решил расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых преступлениях» [48, с. 372].

Что являлось преступлением: принятие 5 сентября 1918 г. постановления СНК «О красном терроре» или нарушение содержащихся в революционном праве запретов? Кто являлся преступником: люди, принявшие и исполнявшие постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплению общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г. (получившее в народе название «закон о пяти колосках»), или собиравшие колоски несчастные матери, дети которых были обречены на голодную смерть?

Понятие «политическая преступность» до сих пор не имеет четкого концептуального обоснования. В течение большей части XX века феномен международной политической преступности оставался вне серьезных научных исследований. Размежевание криминологии и политической преступности с сожалением констатировал, в частности, известный криминолог Д. Матза [49]. С. Шафер в связи с этим писал, что «хотя политическое преступление самое старое и, возможно, наиболее преступное явление истории, оно в значительной степени игнорируется в криминологических исследованиях» [50, с. 8].

Тем не менее уже в первой половине прошлого века высказывались серьезные возражения против ортодоксальных концепций преступности, направленные на то, чтобы поколебать традиционные представления о преступлении и преступнике. Их суть состояла в отрицании формально-юридической доктрины, согласно которой деяния, запрещенные законом, являются преступлением, а лица, осужденные на основании уголовного закона, являются преступниками. Преступление объявлялось искусственно созданной категорией ввиду отсутствия стандартов, необходимых для определения антисоциальности. Предпринимались попытки отыскать универсальную формулу, охватывающую все виды поведения, противоречащего социальным интересам. Как отмечает П.У. Таппен, понятие преступления «расширилось и утратило всякую определенность, выиграв в привлекательности» [51, с. 62].

С 50-х гг. начали появляться различные теории стигматизации, которые объединяла идея о том, что дефиниция «преступный» – это «ярлык», которым обладающие властью круги клеймят поведение менее защищенных групп. Законы и правила, при помощи которых определяются преступления, и механизмы их

применения устанавливаются политической элитой. Положение о том, что упомянутые властные круги не только дефинируют сферу применения понятий «преступного» и «легального», но и сами совершают преступления, стало следующим шагом в этой цепочке логических выводов [52, с. 5]. В 60–70-х гг. прошлого века политическое преступление в Западной Европе стало выражением, символом и эквивалентом политического сопротивления капитализму, как за сто лет до этого в России оно было эквивалентом сопротивления «деспотизму и тирании» самодержавия [53, с. 352–357].

Как известно, первая волна критической криминологии предприняла попытку рассмотреть понятие «преступление» непосредственно в политических терминах. Тогда же получило распространение мнение, что преступления на улицах – это мистификация, «настоящие» преступления происходят в других местах и совершаются корпорациями и государствами [54, с. 1–21]. Начался поиск нового пути осмысления соотношения преступности и власти, что нашло воплощение в понятии «преступления власть имущих» (англ. *«crimes of the powerful»*, нем. *«kriminalitaet der maechtigen»*). В 70-х гг. прошлого века в юридической науке появились труды, содержащие глубокий анализ политической преступности [55]. В частности, в немецкой криминологии появились работы, посвященные исследованию «преступности власть имущих» и «репрессивного преступления». Концепция «репрессивного преступления» концентрирует внимание на масштабных преступлениях, направленных против значительных общественных групп. Г. Хесс, выдвинувший идею репрессивного преступления, определял его как преступление, совершенное с целью сохранения, укрепления и защиты привилегированных положений, в особенности тех, которые основываются на власти и имуществе. Он полагал, что таким преступлением является нарушение только позитивного, кодифицированного внутригосударственного права [56, с. 6–7]. Некоторые авторы, между тем, подчёркивают необходимость учета также международного права: действие, не преследуемое в рамках закона какой-либо страны, является преступным, если оно нарушает общепринятые, интернациональные правовые принципы [57, с. 6–7].

«Наднациональная» преступность, состоящая из «сверхпреступлений» может быть названа «макропреступностью». Термин «макропреступность» был предложен Г. Егером. Его монография «Преступления тоталитарной власти», в которой он давал юридическую оценку гитлеровскому национал-социализму, вышла в 1967 г. Основные идеи концепции макропреступности Г. Егер опубликовал в 1989 г. в книге «Макропреступность. Работы по криминологии коллективного насилия». Макропреступность определяется Г. Егером как различные формы проявления коллективной деструктивности. Индивидуальное действие он рассматривает как отражение конформистского действия больших организованных коллективов. Макропреступность охватывает только особо тяжкие преступления, совершаемые при сравнительно высоком иммунитете против соответствующих санкций; характерным для этих преступлений является как раз не девиантное, а конформистское поведение. Речь идет о таких преступлениях, с которыми государство не только не борется, а наоборот, само их инициирует. Эти преступления совершаются по приказу правительства, им поддерживаются или систематически укрываются. Макро-

преступное насилие почти всегда является политически или идеологически мотивированным. В качестве примеров макропреступности Г. Егер называет геноцид, преступления во время войны, угрозу уничтожения человечества ядерным оружием, государственный терроризм, преследования национальных меньшинств, а также конфликты на культурной и религиозной почве. Эти преступления Г. Егер причисляет к вопросам, которыми должна заниматься криминология [58, с. 6–7].

Преступления, совершенные в контексте государственной политики, от имени государства либо с использованием его полномочий, формируют преступность, которая в условиях тоталитарного режима приобретает характер тотальных политических преследований (тоталитарная преступность, или «макропреступность»). Можно сказать, что именно такие «макропреступления» являются центром, ядром международной преступности.

«Макропреступность» не изолируется от иных форм преступности. Политические конфликты международного и немеждународного характера порождают широкое применение насилия и стимулируют незаконную торговлю людьми и оружием. Терроризм, незаконный оборот наркотиков, коррупция являются постоянными спутниками таких конфликтов, вовлекающих в свои акции криминальные силы. Международно-правовые преступления составляют «верхушку» пирамиды международной преступности. В основании же этой пирамиды лежат преступления, которые обладают как минимум качествами экстрадиционного преступления. Таким образом, верхний предел международной преступности очерчен категорией международно-правовых преступлений, нижний – категорией международных экстрадиционных преступлений. Политические преступления, не относящиеся к категории экстрадиционных, не входят в структуру международной преступности, что существенно ограничивает ее содержание.

А.В. Наумов пишет: «В тоталитарном государстве, независимо от того, на каких идеологических принципах оно построено <...>, политическая и духовная сферы настолько тесно переплетены, что порой их трудно и разделить. Духовное при этом непременно должно наполняться и политическим содержанием, находиться под строжайшим контролем государственно-политических структур и даже <...> может квалифицироваться как политическое преступление» [59, с. 7].

XX век с особой остротой поставил вопрос о «политическом преступлении» и «политической преступности». Совершение преступлений предписывалось и организовывалось нацистскими руководителями Третьего рейха. Они осуществлялись в огромных масштабах и различными способами, одним из которых стал закон. «Преступления против крови и расы» были объявлены наиболее опасными. А. Гитлер в речи 23 марта 1933 г. требовал впредь «измену государству и народу истреблять с варварской беспощадностью». В речи в рейхстаге 13 июля 1934 г. А. Гитлер объявил себя «высшим законодателем немецкого народа» [60, с. 29].

В середине прошлого столетия в ходе Нюрнбергского и Токийского процессов были осуждены лица, обвинявшиеся в политических преступлениях как преступлениях против международного права. Впервые в истории перед судом предстали не только нарушители, но и создатели законов. Правосудие и закон стали главными обвиняемыми в Американском военном трибунале в процессе по делу нацистских

юристов (процесс № 3). Главный обвинитель Т. Тэйлор заявил: «Настоящий процесс не обычный, поскольку подсудимые обвиняются в преступлениях, совершенных именем закона. Эти люди <...> были воплощением того, что в «третьем рейхе» считалось правосудием» [61, с. 35–36]. В приговоре по этому делу Американский военный трибунал пришел к такому заключению: «Вывод, который можно сделать на основании доказательств, представленных самими подсудимыми, ясен: в германской правовой теории декреты А. Гитлера были щитом для тех, кто поступал в соответствии с ними, но перед Трибуналом, которому предоставлено право применять международное право, декреты А. Гитлера не могут быть защитой ни для самого фюрера, ни для его подчиненных, если они применялись в нарушение международного права» [62, с. 169]. Фашизм стал символом и воплощением преступной политики и международного преступления. Понятие «преступление» вышло за пределы национального права.

Международное преступление индивида как основание международной уголовной ответственности – такое понятие международного преступления утвердилось в связи с созданием и деятельностью Международного военного трибунала для суда над главными военными преступниками Второй мировой войны. Нюрнбергским и Токийским прецедентами международное право реализовало свою собственную концепцию международного преступления. Правовая ценность Нюрнбергского прецедента состоит прежде всего в том, что он сформировал принципиально новое понятие преступления: преступления международного как с точки зрения юрисдикции, так и по характеру применяемого материального права, то есть деяния, служащего основанием международной уголовной ответственности.

Международная уголовная юрисдикция является одним из средств, которыми международное право стремится противодействовать репрессивному политическому режиму, и может стать важным звеном в международно-правовом механизме защиты прав человека. Приходится признать, что селективное применение международного уголовного права является серьезным недостатком международной правовой системы. В вопросах предания суду лиц, обвиняемых в совершении деяний, подпадающих под параметры международных преступлений, правосудие и политика находятся в постоянном противоборстве между требованиями права и политическими соображениями. В итоге международная уголовная юстиция может оказаться заложником политических интересов. Необходимо исключить саму возможность появления нового вида политических преследований – преследований, осуществляемых от имени мирового сообщества.

Литература

1. Доклад о мировом развитии за 2011 г. / Международный банк реконструкции и развития. – Вашингтон : Всемирный банк, 2011. – 68 с.
2. Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР / А.И. Трусов, В.Н. Кудрявцев. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. – 285 с.
3. Тапшен П.У. Кто такой преступник? / П.У. Тапшен // Социология преступности: современные буржуазные теории : сб. статей / под ред. Б.С. Никифорова. – пер. с англ. – М. : Прогресс, 1966. – С. 60–72.
4. Сатерленд Э.Х. Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями? / Э.Х. Сатерленд // Социология преступности: современные буржуазные теории : сб. статей / под ред. Б.С. Никифорова. – пер. с англ. – М. : Прогресс, 1966. – С. 39–44.

5. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Издание Московской Патриархии, 1988. – Ветхий Завет, Ис. 10:1–2.
6. Апология Квинта Септимия Флоренса Тертуллиана // Богословские труды. – М. : Изд-во Московской Патриархии РПЦ, 1984. – № 25. – С. 169–175.
7. Апология Квинта Септимия Флоренса Тертуллиана // Богословские труды. – М. : Изд-во Московской Патриархии РПЦ, 1984. – № 25. – С. 169–175.
8. Апология Квинта Септимия Флоренса Тертуллиана // Богословские труды. – М. : Изд-во Московской Патриархии РПЦ, 1984. – № 25. – С. 169–175.
9. Иншаков С.М. Зарубежная криминология / С.М. Иншаков. – М. : Норма – Инфра-М, 1997. – 374 с.
10. Коровин Е.А. История международного права: от древности до конца XVIII века : [пособие к лекциям] / Е.А. Коровин. – М. : Изд-во ВЮА ; Высш. дип. шк. МИД СССР, 1946. – Вып. 1. – 108 с.
11. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель ; пер. с нем., ред. и сост. Д.А. Керимова и В.С. Нерсисянца. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
12. Бачинин В.А. Философия права и преступления / В.А. Бачинин. – Х. : Фолио, 1999. – 607 с.
13. Черняк Е.Б. Вековые конфликты / Е.Б. Черняк. – М. : Международные отношения, 1988. – 402 с.
14. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением / И.Я. Фойницкий. – М. : Городец ; Добросвет-2000, 2000. – 464 с.
15. Аристотель. Политика / Аристотель // Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель. – М. : Мысль, 1975–1983. – Т. 4. – 1983. – 830 с.
16. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением / И.Я. Фойницкий. – М. : Городец ; Добросвет-2000, 2000. – 464 с.
17. Бачинин В.А. Философия права и преступления / В.А. Бачинин. – Х. : Фолио, 1999. – 607 с.
18. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. А.Б. Гофмана. – М. : Наука, 1991. – 576 с.
19. Михайлов А.Е. Некорыстная насильственная преступность и ее предупреждение / А.Е. Михайлов. – К. : НТВ «Правник» ; НАВСУ, 1997. – 153 с.
20. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г.Дж. Берман. – М. : Инфра-М, 1998. – 624 с.
21. Бехруз Х. Введение в сравнительное правоведение : [учеб. пособие] / Х. Бехруз. – О. : Юридическая литература, 2002. – 328 с.
22. Оборотов Ю.Н. Традиции и новации в правовом развитии / Ю.Н. Оборотов. – О. : Юридическая литература, 2001. – 156 с.
23. Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права / А.А. Малиновский. – М. : Международные отношения, 2002. – 376 с.
24. Камаровский Л.А. О международном суде / Л.А. Камаровский. – М. : Тип. Т. Малинского, 1881. – 550 с.
25. Шнайдер Г.И. Криминология / Г.И. Шнайдер ; пер. с нем. Ю.А. Неподаева ; под общ. ред. Л.О. Иванова. – М. : Прогресс-Универс, 1994. – 502 с.
26. Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права / З.М. Черниловский. – М. : Юристъ, 1996. – 573 с.
27. Иншаков С.М. Зарубежная криминология / С.М. Иншаков. – М. : Норма – Инфра-М, 1997. – 374 с.
28. Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права / З.М. Черниловский. – М. : Юристъ, 1996. – 573 с.
29. Черняк Е.Б. Вековые конфликты / Е.Б. Черняк. – М. : Международные отношения, 1988. – 402 с.
30. Черняк Е.Б. Вековые конфликты / Е.Б. Черняк. – М. : Международные отношения, 1988. – 402 с.
31. Одесский М.П. Поэтика террора (А. Пушкин, Ф. Достоевский, Андрей Белый, Б. Савинков) / М.П. Одесский, Д.М. Фельдман // Общественные науки и современность. – 1992. – № 2. – С. 81–93.
32. Диспо Л. Машина террора / Л. Диспо // Терроризм: современные аспекты : сб. науч. статей / под ред. М.П. Киреева и др. – М., 1999. – С. 31.
33. Одесский М.П. Поэтика террора (А. Пушкин, Ф. Достоевский, Андрей Белый, Б. Савинков) / М.П. Одесский, Д.М. Фельдман // Общественные науки и современность. – 1992. – № 2. – С. 81–93.
34. Laquer W. The Terrorism / W. Laquer. – London, 1977. – 142 p.
35. Социал-революционное обозрение «Народная воля»: год второй. – СПб. : Петербургская Вольная Типография, 1880. – № 3. – 14 с.
36. Пирумова Н.М. М. Бакунин или С. Нечаев? / Н.М. Пирумова // Прометей: историко-биографический альманах. – М. : Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1968. – Т. 5. – С. 145–173.

37. Ильин И.А. Почему сокрушился в России монархический строй? / И.А. Ильин // Социологические исследования. – 1992. – № 4. – С. 70–77.
38. Рудницкая Е.Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев / Е.Л. Рудницкая. – М.: Наука, 1992. – 269 с.
39. Хроника социалистического движения в России (1878–1887 гг.). Официальный отчет. – М., 1906. – 376 с.
40. Социал-революционное обозрение «Народная воля»: год шестой. – СПб.: Тип. «Народной воли», 1885. – № 11–12. – 20 с.
41. Бердяев Н.А. Духи русской революции / Н.А. Бердяев // Литературная учеба. – 1989. – № 2. – С. 123–140.
42. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы / Ф.М. Достоевский // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. / Ф.Н. Достоевский. – М.: Наука, 1988–1996. – Т. 9. – 1991. – 574 с.
43. Достоевский Ф.М. Бесы / Ф.М. Достоевский // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. / Ф.Н. Достоевский. – М.: Наука, 1988–1996. – Т. 7. – 1990. – 675 с.
44. Давыдов Ю.Н. Горькие истины «Вех» (трагический опыт самопознания российской интеллигенции) / Ю.Н. Давыдов // Социологические исследования. – 1991. – № 7. – С. 101.
45. Цой Л.Н. Новый взгляд на борьбу с терроризмом: борьба с терроризмом или с террористом? / Л.Н. Цой // Терроризм: современные аспекты: сб. науч. статей / под ред. М.П. Киреева и др. – М., 1999. – С. 47.
46. Будницкий О.В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях / О.В. Будницкий. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 576 с.
47. Бачинин В.А. Философия права и преступления / В.А. Бачинин. – Х.: Фолио, 1999. – 607 с.
48. Радзинский Э.С. «Господи... Спаси и усмири Россию». Николай II: жизнь и смерть / Э.С. Радзинский. – М.: Вагриус, 1995. – 512 с.
49. Matza D. Becoming Devian / D. Matza. – Englewood Cliff, NJ: Prentice Hall, 1969. – 189 p.
50. Schafer S. The political criminal / S. Schafer. – New York, 1974. – 202 p.
51. Таппен П.У. Кто такой преступник? / П.У. Таппен // Социология преступности: современные буржуазные теории: сб. статей / под ред. Б.С. Никифорова. – пер. с англ. – М.: Прогресс, 1966. – С. 60–72.
52. Абасов Р.А. Политическая преступность в немецкой криминологической литературе / Р.А. Абасов // Политическая криминология: сб. науч. трудов / под ред. П.А. Кабанова. – Нижнекамск: Изд-во Нижнекамского филиала МГЭИ, 2006. – С. 5.
53. Зелинская Н.А. Становление политической криминологии / Н.А. Зелинская // Актуальні проблеми політики: зб. наук. праць. – Вип. 25. – О., 2005. – С. 352–357.
54. Cohen S. Crime and politics: spot the difference / S. Cohen // British Journal of Sociology. – 1996. – Vol. 47. – Issue № 1. – P. 1–21.
55. International Terrorism and Political Crimes / М.С. Bassiouni (ed). – Springfield, 1975. – 119 p.; Laquer W. The Terrorism / W. Laquer. – London, 1977. – 142 p.; Wilkinson P. Political Terrorism / P. Wilkinson. – London, 1974. – 200 p.
56. Абасов Р.А. Политическая преступность в немецкой криминологической литературе / Р.А. Абасов // Политическая криминология: сб. науч. трудов / под ред. П.А. Кабанова. – Нижнекамск: Изд-во Нижнекамского филиала МГЭИ, 2006. – С. 6–7.
57. Абасов Р.А. Политическая преступность в немецкой криминологической литературе / Р.А. Абасов // Политическая криминология: сб. науч. трудов / под ред. П.А. Кабанова. – Нижнекамск: Изд-во Нижнекамского филиала МГЭИ, 2006. – С. 6–7.
58. Абасов Р.А. Политическая преступность в немецкой криминологической литературе / Р.А. Абасов // Политическая криминология: сб. науч. трудов / под ред. П.А. Кабанова. – Нижнекамск: Изд-во Нижнекамского филиала МГЭИ, 2006. – С. 6–7.
59. Наумов А.В. Обретение свободы (правовая хроника перестроечных лет) / А.В. Наумов. – М.: АС, 1992. – 255 с.
60. Алексеев Н.С. Ликвидация законности в третьем рейхе и преступления нацистской юстиции / Н.С. Алексеев // Нюрнбергский процесс и современность / отв. ред. В.В. Пустогаров. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1986. – С. 29.
61. Нюрнбергский процесс. Суд над фашистскими судьями: сб. материалов / сост. М.Ю. Рагинский; под общ. ред. Р.А. Руденко. – М.: Юридическая литература, 1970. – 351 с.
62. Нюрнбергский процесс. Суд над фашистскими судьями: сб. материалов / сост. М.Ю. Рагинский; под общ. ред. Р.А. Руденко. – М.: Юридическая литература, 1970. – 351 с.

Аннотация

Зелинская Н. А. Противодействие политической преступности: международно-правовой механизм. – Статья.

В статье рассматриваются международно-правовые аспекты противодействия политической преступности в историко-правовом дискурсе. Автор утверждает, что международная уголовная юрисдикция является одним из средств, которыми международное право стремится противодействовать репрессивному политическому режиму. Международная уголовная юстиция может стать важным звеном в международно-правовом механизме защиты прав человека. По мнению автора, селективное применение международного уголовного права является серьезным недостатком международной правовой системы. Международная уголовная юстиция не должна зависеть от политических интересов. Необходимо исключить возможность появления нового вида политических преследований – преследований, осуществляемых от имени мирового сообщества.

Ключевые слова: международная юстиция, международная юрисдикция, политическое преступление, терроризм.

Анотація

Зелінська Н. А. Протидія політичній злочинності: міжнародно-правовий механізм. – Стаття.

У статті розглядаються міжнародно-правові аспекти протидії політичній злочинності в історико-правовому дискурсі. Автор стверджує, що міжнародна кримінальна юрисдикція є одним із засобів, якими міжнародне право прагне протидіяти репрессивному політичному режиму. Міжнародна кримінальна юстиція може стати важливою ланкою в міжнародно-правовому механізмі захисту прав людини. На думку автора, селективне застосування міжнародного кримінального права є серйозним недоліком міжнародної правової системи. Міжнародна кримінальна юстиція не повинна залежати від політичних інтересів. Необхідно виключити можливість появи нового виду політичних переслідувань – переслідувань, здійснюваних від імені світової спільноти.

Ключові слова: міжнародна юстиція, міжнародна юрисдикція, політичний злочин, тероризм.

Summary

Zelinskaya N. A. Counteraction of political crime: international legal mechanism. – Article.

The article focuses on the international legal aspects of combating political crime in the historic-legal discourse. The author argues that international criminal jurisdiction is one of the means of the international law to react against a repressive political regime. International criminal justice can be an important link in the international legal mechanism of the human rights protection. In the author's judgment, selective application of the international criminal law is a serious shortcoming of the international legal system. International criminal justice should not be dependent on any political interests. The author asserts that it is necessary to preclude the possibility of a new kind of political persecution – persecution exercised on behalf of the world community.

Key words: international justice, international jurisdiction, political crime, terrorism.

УДК 343.222.4

В. Н. Куц

**ЗАРУБЕЖНЫЕ МОДЕЛИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Постановка проблемы. Дискуссия вокруг проблемы уголовной ответственности юридических лиц ведется сегодня в двух плоскостях: в сфере обоснования целесообразности внедрения такого института в правовые системы постсоветских государств и в сфере наполнения этой идеи конкретным уголовно-правовым содержанием.

Современные процессы глобализации, коснувшиеся и постсоветского пространства, ставят вопрос о целесообразности и возможности уголовно-правового воздей-